

Ю. Томашевский

Возвращение Михаила Зощенко

Мучительно долгим и непростым было возвращение имени писателя в сегодняшний наш обиход. Сколько труда и душевных сил пришлось положить многим и многим энтузиастам нашей литературы, чтобы книги Зощенко, как и в годы его поистине всенародной славы, вновь стали выходить одна за другой.

Когда о ком-то говорят — возвратился, вернулся — значит, человек уходил, был в отлучке. Зощенко никуда не уходил и не отлучался. Его отлучили. От литературы, от многомиллионных читательских масс.

За что? За какие грехи? Грех был один. Зощенко имел несчастье родиться сатириком.

Ведь сатириком везде и во все времена жить было куда как опасней, чем представителям иных литературных профессий. Ювенал закончил свое земное шествие в ссылке. Свифт только потому избежал ареста, что днем и ночью народ охранял от властей своего любимца.

О Гоголе писали с пеной у рта, что ему «надо запретить писать», что «он враг России», а когда он умер, одна из газет напечатала: «Да, Гоголь всех смешил! Жалко употребить всю жизнь, и такую крепкую на то, чтобы служить обезьяной публике!».

...Люди все могут простить, но только не смех над собой.

...Им движет любовь к людям, боль за несовершенство их жизни.

Таким человеком и был Михаил Зощенко. «Зощенко... Странная фамилия... Откуда она взялась?» Это интересовало и самого Михаила Михайловича. Он даже вступил в переписку с дальними родственниками, которых не знал и отыскал только затем, чтобы с их помощью установить, от какого слова, понятия или предмета началось это самое — Зощенко. Однако помощь ему не сумели оказать. Единственно сообщили, что, как и он, людей с такой фамилией не встречали.

Тогда Михаил Михайлович сам зарылся в архивы. Подвалы архивов. Горы пожелтевших бумаг... И вот наконец — о чудо! — она, эта бумажка. Аким Зощенко (родоначальник династии). Оказался архитектором из Италии, принявшим православие и получившим при крещении имя Аким и фамилию по профессиональной принадлежности — Зодченко. А потом уже пошло: Зощенко.

10 августа 1894 года на свет божий появляется человек, над книгами которого в скором времени будут смеяться 150 миллионов не очень-то от природы смешливых, а жизнью уж и подавно к веселью не расположенных, самых разных по степени образованности и культуры жителей Советской России. Он родился в Петербурге, в семье небогатого художника-передвижника Михаила Ивановича Зощенко и Елены Осиповны Суриной, за домашними заботами успевавшей писать и печатать рассказы из жизни бедняков в газете «Копейка». С раннего детства, а особенно после смерти отца (мальчику было 12 лет), когда Елена Осиповна страдала от унижения, обивала пороги присутственных мест с просьбой о пособии для своих восьмерых детей, будущий писатель уже хорошо понял, что мир, в котором ему довелось родиться, устроен несправедливо, и при первой возможности отправился этот мир изучать. Он еще гимназистом мечтал о писательстве — и вот за невзнос платы, его исключили из университета; нужен ли более веский предлог для ухода из дома — «в люди?»

...Контролер поездов на железнодорожной линии Кисловодск-Минеральные Воды; в окопах 1914 — командир взвода, прапорщик, а в канун Февральской революции — комбат, раненый, отравленный газом, кавалер четырех боевых орденов, штабс-капитан;

при Временном правительстве — начальник почты и телеграфа; после Октябрьской революции пограничник в Стрельне, Кронштадте, затем добровольцем пошедший в Красную Армию командир пулеметной команды; после демобилизации — агент уголовного розыска в Петрограде, милиционер в Лигове, снова в столице — сапожник, конторщик... Вот далеко не полный перечень того, кем был и что сделал Зоценко, куда бросала его жизнь, прежде чем он сел за писательский стол.

Этот перечень необходим. За сухими строчками зоценковской анкеты проглядывается время, которое сегодня мы справедливо считаем неповторимо возвышенным и великим, но которое для многих живших тогда людей было временем неслыханных испытаний — временем голода, тифа, безработицы.

Зоценко видел этих людей, заглядывал им в глаза. Он хотел узнать, как живет и чем дышит прошедший через многовековое рабство его народ.

...Эти люди станут героями его произведений. Он будет учить их смеяться над самими собой и этим смехом отстраняться от себя прежних. Но сейчас они были его учителями. И они учили его от их жизни не отстраняться.

...Воспитанный в интеллигентной семье, Зоценко попал в неведомый ему даже по самым правдивым книжкам круговорот жизни и имел, казалось, все шансы быть выброшенным за борт революции, как это случилось со многими из его среды, поспешившими покинуть «тонущий корабль». Но Зоценко понял: корабль не тонет. И даже увидел свое место на этом корабле.

...Он принял в сердце великую народную боль и посчитал себя мобилизованным на служение «бедному» (как он позже его назовет) человеку.

Зоценко писал о человеке, который живет в великое время, но больше всего озабочен водопроводом, канализацией, копейками. Человек за мусором не видит леса.

Ему нужно было открыть глаза... В решении этой задачи и увидел Зоценко свое назначение.

...Зоценко был верным последователем гоголевского направления в русской литературе. Если внимательно вслушаться в его смех, нетрудно уловить, что беззаботно-шутливые нотки являются лишь фоном для нот боли и горечи.

За внешней непритязательностью того или иного рассказа, который на первый взгляд может показаться и мелким по теме и пустяковым по мысли... всегда таилась остронасущная, живая проблема дня.

...Он безошибочно верно улавливал жизненно важный вопрос, именно тот, что как раз сегодня вставал перед массой людей.

...Так в нужный момент появились его рассказы о жилищном кризисе, о равнодушии лиц, в чьи прямые обязанности входили забота о благоустройстве людей; об административных перегибах, бюрократизме, волоките, взяточничестве и о многом, многом другом, с чем приходилось сталкиваться людям в повседневном быту.

...Со словом «быт» связано понятие «обыватель». Есть устоявшееся мнение, что сатира Зоценко высмеивала и разоблачала обывателя.

Он высмеивал обывательские черты в человеке, а не самого человека.

Своими рассказами Зоценко как бы призывал не бороться с людьми — носителями обывательских черт, а помогать им от этих черт избавляться.

Популярность Зоценко в читательских массах связывают обычно с его рассказами. Именно они пробили путь к людям, лишь недавно постигшим мудрость букваря.

Но читателями Зоценко были не только вчерашние ликбезы.

Читатель с достаточным опытом чтения проявил большой интерес к «Сентиментальным повестям», где в центре повествования стоит интеллигент.

Уже тогда, когда «Сентиментальные повести» проходили еще журнальную апробацию, они были замечены и отмечены А.М. Горьким.

Горький его выделял, верил в него особо...

Горький не ошибся. За «Сентиментальными повестями» последовали такие большие книги Зощенко, как «Письма к читателю», «Возвращенная молодость», «Голубая книга».

...Последняя крупная работа Зощенко — повесть «Перед восходом солнца». Самая замечательная его книга. В ней как бы подводятся итог всей жизни. Эта книга-прощание. Книга-исповедь. Исповедь сына века.

Он завещает верить в науку, в человеческий разум. Разум — он в этом убежден — способен победить все, даже старость.